

РОМАН-

ТРАГЕДИЯ

С АЛТЫКОВ - ШЕД-РИН высоко оценил роман Достоевского «Идиот», как

«попытку изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия».

В этой книге, по словам великого сатирика, романист «не только признает закриную тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет дальше, вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества».

Отсюда трудность инсценировки «Идиота». Воплотить на сцене мечту Достоевского о высшей духовной красоте человека, обреченного на гибель в страшном мире угнетателей и хищников, — задача огромной сложности.

Возрождение «Идиота» на советской сцене оказалось крупным художественным событием. Театр имени Вахтангова поднялся в решении этой проблемы на вершины замысла Достоевского и создал спектакль не только блестящего мастерства, но и подлинной идейной глубины и трагической силы.

Верное решение этой задачи было облегчено театру новым драматургическим текстом «Идиота», написанным Юрием Олешей. В своей инсценировке писатель стремится воплотить мысль Достоевского о трагической гибели тех, кто ищет прекрасное и доброе в джунглях буржуазного общества. Ему удалось развернуть на сцене все главные этапы этой безысходной драмы, творчески перевоплотив основные мотивы романа для

их сильнейшего театрального звучания.

Режиссер спектакля А. Ремизова стремилась воплотить идею высокого гуманизма, которая пронизывает всю историю князя Мышкина: «Главная мысль романа, — писал Достоевский, — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете». На сцене это не менее трудно, чем в литературе. Тем больше чести постановщику и актерам, которым удалось раскрыть центральные образы Достоевского в сильном и верном воплощении.

Князь Мышкин в изображении Н. Гриценко выступает в соответствии с замыслом романиста человеком исключительной душевной чистоты, чарующей наивности и сердечного влечения к людям. Это большой «младенец», как его называют в романе. Хорошо взятый с первых же слов, этот глубокий и верный тон предельной искренности выдержан артистом до конца. Последняя сцена, когда князь, потрясенный гибелью Настасьи Филипповны, погружается в безумие, производит неотразимое впечатление.

Но в некоторых сценах артисту, как нам кажется, следует усилить внутреннюю озаренность героя, его моральную вдохновенность и творческую одаренность в решении проблем добра и зла. Влюбленность Мышкина в Настасью Филипповну звучит временами несколько прозаично. Его признание в четвертой картине первого действия лишено порыва.

В центре трагедии — Настасья Филипповна. Артистка Ю. Борисова ярко рисует выдающуюся женщину с трагической судьбой куртизанки, преображенную встречей с человеком необычайной душевной просветленности.

Есть два толкования этого сложного и глубокого женского образа. По одному из них героиня Достоевского — вакханка, «бесноватая», одержимая чувственной страстью, которая и приводит ее к гибели. Недаром сама она называет себя «уличной», «рогожинской», «бесстыдной». Ее лицо выражает «необъятную гордость». Это мстительница, не знающая пощады. Красоту ее один из героев романа называет «фантастической и демонической».

По другому толкованию Настасья Филипповна — воплощение нравственной чистоты и чистоты. У нее по Достоевскому «блестящий ум и светлое чувство». Она любит музыку, она читала много поэм, у нее безошибочный вкус и врожденная культурность. Она ме-

ждным искателям. Она мечтает о счастье князя с Аглаей Епанчиной. Отсюда ее искреннее, душевное внимание к этой генеральской дочке и завершающий их необычные отношения «поединок» — знаменитая встреча соперниц, из которой Настасья Филипповна выходит победительницей.

Есть подлинная экспрессивность Достоевского в сценическом воплощении Парфена Рогожина артистом М. Ульяновым: фанатизм страсти, ширь характера, ревность до преступления. «Миллионер в тулупе», он сохраняет в своем говоре, помыслах, поведении размашистые простонародные черты. Верно переданы огненные глаза, «наглая и даже злая улыбка» и при этом «что-то страстное до страдания». В первой же встрече с Мышкиным раскрывается нарастающая его горячая и мрачная душа. Ревнуя князя к Настасье Филипповне, он готов резать соперника, но сам же ставит себе препятствие к убийству старинным народным обычаем «братания». В

«ИДИОТ» Ф. М. Достоевского на сцене театра имени Вахтангова

читает о человеке, который придет и поймет ее.

В трактовке Ю. Борисовой господствует эта вторая — «чистая» Настасья Филипповна. Артистка «оправдывает» свою героиню. Она прекрасно передает возникновение ее высокого чувства к первому настоящему человеку, которого встретила. Она принимает, как высшее счастье, любовь-сострадание к ней князя Мышкина. Но «грешница» не хочет омрачать жизнь праведника. Возрожденная к новой жизни, она поднимает бунт против мира Тощих, Епанчиных, Иволгиных. Правдой и справедливостью звучат ее протесты, брошенные в лицо ее плото-

последней сцене — у тела Настасьи Филипповны он трогательно нежен к потрясенному ужасом Мышкину.

Четвертый большой образ романа — Аглая Епанчина.

Л. Целиковская верно раскрывает порывистый и страстный характер этой девушки, полюбившей всей силой своей властной души кроткого и беспомощного князя. Артистка убедительно передает воинственность вызова этой надменной натуры своей опасной сопернице и взрыв внезапного отчаяния при неожиданном поражении.

Но у Достоевского образ глубокой Аглаи — сильная и умная девушка. Именно она сравнивает

Мышкина с Дон-Кихотом и «Рыцарем бедным» Пушкина. Она способна на критическое отношение к своей среде и рвется из своего гнезда на волю. «— Я не хочу по их балам ездить, я хочу пользу приносить». Ее захватывает даже революционная литература, она «все запрещенные книги» прочла. Следовало вскрыть не только своеобразие светской барышни, но и зреющий в ней мятеж.

Оригинален и занимателен весь женский кружок семьи Епанчиных. Живой и свежий образ прямошущей Лизаветы Прокофьевны дает Е. Алексеева; изящны и красивы, как в романе, две старшие дочери — серьезная и смешливая (Е. Измайлова и А. Парфаньяк). Их завтрак с князем Мышкиным — веселая жанровая картинка, как бы контрастирующая с другими, тяжелыми сценами драмы.

Главным героям романа противопоставлен жестокий и алчный мир современной действительности. Это, по термину Достоевского, новейший «Ваал», то есть в данном случае торжествующий российский капитал, представленный в «Идиоте» рядом характерных и отвратительных фигур. Таков член торговых компаний и акционерных обществ «раскапиталист» Тощий (арт. А. Граве) — пошлейший салонный эстет, еле прикрывающий «изящными» фразами свое подлинное лицо распутника и хищника. Таков владетель доходных домов, поместий и фабрик генерал Епанчин, изображенный арт. Н. Яновским не без комедийного юмора стареющим селадонном. У Достоевского он проще и грубее. Это выходец из солдатских детей, проникший в высший круг, составивший себе на откупках состояние.

К этому глетьворному миру прилагает и секретарь генерала, пока еще только «нетерпеливый нищий» — молодой Ганя Иволгин. В трактовке артиста В. Дугина

это холодный и развязный карьерист, готовый за крупный куш жениться на «содержанке» Тощего. В романе он сложнее: Достоевский называет его человеком «с черной душой», в котором неожиданно блеснула искорка чести.

Художник И. Рабинович со свойственной ему лаконичной выразительностью удачно решил ряд постановочных моментов спектакля. Интересна конструкция купе третьего класса в тесном вагоне Варшавской железной дороги, несущемся сквозь туманы ноябрьской оттепели к Петербургу. Характерен салон Настасьи Филипповны, вступающий из полумрака с неотчетливыми очертаниями фигур и тусклыми огоньками гаснущего камина, который вскоре вспыхнет целым пакетом брошенных в него ассигнаций.

Менее соответствует стилю романа дом Рогожина, «где все как будто скрывается и таится». Вместо бытовых мелочей надо было дать огромное обобщение алчного мира наживы и грабежа.

Горький сравнивал Достоевского с Шекспиром. Искания большого трагического репертуара для советской сцены находят в наши дни разрешение и в сценической передаче драм Раскольникова или Мышкина на фоне их злой эпохи. Великий романист-драматург щедро оплодотворяет наш театр своими глубокими психологическими композициями. Это неоценимый материал для выдающихся талантов советской сцены и новая волнующая страница в трехсотлетней истории русского театра.

Леонид Гроссман,
доктор филологических наук.

НА СНИМКАХ: Настасья Филипповна — артистка Ю. БОРИСОВА и князь Мышкин — артист Н. ГРИЦЕНКО.

Фото Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА.